

(Продолжение. Начало на 7-й стр.)

вить работу дальше. Тем более что исследования множжились, углублялись и распространялись уже в то время от Дальнего Востока до Урала и от Ледовитого океана до Монголии. Команда, созданная Окладниковым, все это успела охватить. А сам он, по шесть и более месяцев проводящий в поле, был для молодых ученых вдохновляющим примером. Молодые кадры в институте профессионально росли быстро. Окладников никого, как говорится, не придерживал, если человек готовил работу и собирался защищаться. Всем был зеленый свет. По себе знаю. Едва у нас кто-то защищался, как следом появлялись в печати публикации, а то и монография. Практика, давно принятая в науке, хотя не везде соблюдаемая. А на Западе, например, это просто правило.

Чем вы бы еще объяснили быстрый профессиональный рост молодых в вашем институте? Мне не раз встречались яркие поначалу специалисты, которые со временем словно глохли и меркли в науке.

— Возможно, тем, что Окладников доверял молодежи и поручал ей решать очень серьезные задачи. К примеру, на Дальнем Востоке, где работали тогда на интереснейших раскопках молодые Деревянки, Медведевы и многие другие археологи. Меня он «бросил» на Север, на Казымский и Илимский остроги. Там пришлось работать с архитектурой, о которой ничего не знал и никогда с ней дела не имел. «Посмотри литературу, изучай», — советовал Окладников. А изучать-то приходилось с нуля... Да еще торопило. Эти памятники были в зоне новостей. И их бы, конечно, уничтожили.

— А сейчас они сохранены? — Башия Казымского острога стоит у нас. Об Илимском остроге наконец заканчиваю книгу, которую начал писать еще лет десять назад. Сейчас она в издательстве. Но серия других публикаций о нем уже была.

Алексей Павлович, — продолжал рассказ Молодин, — был очень щедрым человеком во всех отношениях. Он постоянно делился с коллегами и учениками своими идеями, что тоже, конечно, способствовало формированию научной школы и быстрому профессиональному росту. Ему помогала в работе не только научная зоркость, но и большой жизненный опыт. Он хорошо понимал людей со всеми их достоинствами и недостатками и весьма философски все оценивал. В разных ситуациях, как я только сейчас понимаю, Окладников мог бы поступить и по-другому. Гораздо жестче. Но считал, что человеку всегда надо дать шанс, чтобы он укрепился в жизни и в профессии, понял свои ошибки.

Я не хочу идеализировать Окладникова. Он непростой был человек. Да и время, в которое он жил и работал, было непростое. Если хотите, то Окладников, как говорили раньше, был продукт своей эпохи. Он все прошел. В том числе и безумную борьбу с «врагами народа», процессы тридцатых годов. Но важно другое: и в это время Алексей Павлович сохранил себя незапятнанным и незамаранным.

Недавно вышла прекрасная книга известного искусствоведа профессора Вагнера, великопленного специалиста по древнерусской архитектуре. В его мемуарах есть совершенно неожиданная глава. Она посвящена Алексею Павловичу. В ней рассказывается о том, как Окладников спас Вагнера, когда тот был спецпоселенцем после лагеря. Его куда не пускали и на работу не брали. Алексей Павлович встретил безработного Вагнера на Ангаре, побеседовал с ним и тут же предложил работу. А потом его порекомендовал крупному археологу — архитектору Воронину, а позднее помог устроить Воронину в институт, где бывший лагерник и спецпоселенец состоял как первоклассный ученый. По тем временам это был поступок, а по представлениям

Энтузиасты каменного века

Окладникова, скорее веление души. — Этот пример, Вячеслав Иванович, разбивает некоторые наши давние представления. Как думается, ни в какие, даже суровые, времена наш народ не поступал, не голосовал и не одобрял одинаково, реагируя на действия власти.

— Но пришло другое время, — продолжал Молодин, — уже без Окладникова. И я искренне считаю, что институту повезло, когда его директором стал Анатолий Пантелеевич Деревянки. Ему, к счастью, удалось уйти из руководителей комсомола и партийных органов. У него было свое видение, отличное от Окладникова, целей и задач института. Но вот что замечательно, авторитет Алексея Павловича никогда у нас не потерялся никаким сомнением. И это очень правильно. Сложившиеся традиции только развивались, а не чахли. Бюст Окладникова, который стоит в нашем зале, — это навсегда. Между тем при Деревянко в организации института было много перемен.

Сначала институт был объединенный, но уже, впрочем, разделенный по сути. Так как сформировались разные научные школы и надо было дать шанс нашим специалистам развиваться самостоятельно. А потом институт археологии и этнографии выделился и приобрел полную самостоятельность. Он не просто окреп, он получил свободу действий во всех отношениях.

«Позволю себе некоторый отступ от рассказа академика Молодина. Буд свидетелем того, с каким трудом обретали археологи полную самостоятельность, отделе-»

...отделе окончательности от историков, филологов и философов. Анатолию Пантелеевичу это стоило больших усилий и нервов. Сейчас примерно по тому же пути идут другие академические гуманитарные институты. Их, будем откровенны, нельзя сравнивать с институтом, которым руководит академик Деревянки. Но я тоже за то, чтобы они сохранили свою самостоятельность. И пока им это удается. А что будет дальше — большой вопрос. Надо иметь в виду, что гуманитарии и их научные школы «созревают» медленнее, чем естественники. Часто они обретают зрелость вместе с... седлиной. Уже одно это требует более внимательно к ним отношения. Ущемить гуманитариев легче (да и привычка сильна!), но это может иметь печальные последствия для науки. Не говоря уже о том, что у нас вообще мало гуманитариев. А в Сибири — особенно. Здесь с плеча (или по очередному министерскому отношению) рубить нельзя. Можно по живому ударить.

«Это, естественно, частное мнение еще одного гуманитария, но который видел, как медленно, но неуклонно развивались в СО РАН и гуманитарные научные школы.»

Самостоятельности нашего института, — подчеркивал Молодин, — способствовал новый стиль работы с людьми. Когда, положим, в институт приходил Алексей Павлович, это вызвало некоторый трепет. Его побаивались. А Анатолия Пантелеевича всегда встречали как товарища и коллегу, как руководителя, с которым можно спорить. И современная наука научная молодежь уже воспитана иначе, она такой стиль приемлет и им дорожит. Молодежь раскованна и охотно в работе предлагает свои варианты. Она хочет, чтобы с ней считались, и обстановку в институте этому способствует. Замечу, что у нас не было провала ни в среднем по возрасту зрелости специалистов, ни в молодежном. А люди пенсионного возраста, они тоже есть, работают,

Академик Анатолий Деревянки.

Академик Вячеслав Молодин.

Доктор исторических наук Виталий Медведев.

Кандидат исторических наук Андрей Кривошепкин.

Доктор исторических наук Анатолий Зенин.

Кандидат исторических наук Ксения Колобова.

что называется, вовсю. К ним нет упреков.

Потом изначально был провозглашен лозунг: наш институт археологии должен быть лучшим в мире.

— Судя по рейтингу всех гуманитарных институтов в стране, вы и так лучшие. Первое место за вами, хотя я и понимаю условность всех рейтингов и баллов в науке. — И тем не менее сегодня, я считаю, наш институт археологии не только лучший в стране, но и в мире. Тут нет никакого преувеличения. Об этом можно судить по мнениям очень многих специалистов. Например, профессора Парцингера, многолетнего директора старейшего и первоклассного института археологии в Германии.

— А за счет чего вы так вырвались вперед?

— Прежде всего за счет мультидисциплинарного подхода к исследованию. Не буду детализировать — об этом наверняка расскажет

Анатолий Пантелеевич, но напомню, что у нас была возможность привлечь к работе археологов чуть ли не все ветви сибирской науки: от геофизиков до математиков и от генетиков до химиков. Говорилось о мультидисциплинарности давно, но привить вкус к этим совместным исследованиям, воплотить работу на стыках в реальность удалось только при директорстве Анатолия Пантелеевича Деревянко. Сейчас многие из нас попросту уже не могут работать иначе, на другом уровне. Новые методы в археологии. Все наши коллеги, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге, признают наше беспорочное первенство. Кроме того, мы создали журнал «Археология, этнография, антропология Евразии», на который подписываются сейчас во всем мире. По меркам науки он стремительно завоевал авторитет. Нам открыт вход практически во все програм-

мы гуманитарного отделения РАН. Сейчас очень многие естественники, начиная от института ядерной физики, охотно идут с нами на контакты, на совместные исследования. Мы заслужили признание и сотрудничество полное, без всякой синиходительности. Вот что хотел бы вам сказать о времени прошедших и нынешних в институте. Но полагаю, пришло время предоставить слово доктору наук Медведеву.

Встреча с Елисеевым

— Мне повезло в науке, — сразу уточнил Виталий Егорович. — Моиими учителями были академики Окладников и Деревянки. Диплом я защищал под руководством Анатолия Пантелеевича. А при защите кандидатской диссертации меня опекал Окладников. Да и практику проходил в университете у Елизаветы Михайловны Берс, тоже очень хорошего археолога. Это, конечно, не просто удача, но и результат той творческой и требовательной обстановки, которая существовала и существует в нашем институте и в НГУ. Кстати, при поступлении в университет комиссию при собеседовании, а оно обязательно, возглавлял Алексей Павлович Окладников. Я и не знал, что это он. Об этом мне ребята сказали уже в коридоре, после экзаменов. Так что не трепетал.

— Не буду углубляться, — рассказывал Медведев, — но приведу вам два примера, раскрывающие Окладникова как человека и руководителя научной школы. Лет пятнадцать назад мне довелось быть участником экспедиции в Япония, и там мы встретились с известным востоковедом Валдимом Сергеевичем Елисеевым. Он из известного российского рода. Его предки были основателями купеческой гильдии в Москве. Старые москвичи до сих пор вспоминают магазин Елисеева. Так вот когда мы разговорились с Валдимом Сергеевичем, произошла некоторая стычка. Шел 1991 год, страна наша корчилась на переломе. А у меня с собой был фотоаппарат. Увидев его, Елисеев отчего-то тут же строго спросил: — Господин Медведев! Вы что, фотографируете для газеты «Правда»? Я объяснил, что фотографирую как археолог, а не как фотокорреспондент. Елисеев тут же переменился и с большим интересом спросил: — Археолог?! А не знаете ли вы господина Окладникова? Ответил, что знаю. И хорошо. Елисеев расцвел от удовольствия и в первой же беседе сказал: — Благодаря работам Алексея Павловича Окладникова, особенно в шестидесятые и семидесятые годы, Франция очень много узнала о Советском Союзе. Хотя это были работы о древней истории России. Окладников — это великан в науке.

Елисеев переводил работы Окладникова и прекрасно их знал. Он отзывался об Алексее Павловиче как о необыкновенно теплой. А несколько лет назад, работая на Дальнем Востоке.

— Простите, что перебиваю, но поясните, что вы искали на Дальнем Востоке?

— Наш отряд входил в комплексную Северо-Азиатскую экспедицию, которую возглавляет академик Деревянки. Мы уже более сорока лет занимаемся там изучением древней и средневековой истории. Речь идет о древностях Средневековья Дальнего Востока, о Приамурье и Приморье. Это район от Хабаровска на север и северо-восток и на юг, вплоть до Владивостока.

...Чуть позже узнал, что практически все участники нашей экспедиции — специалисты по палеолиту, то есть каменному веку. Это, конечно, и помогло придумать заголовок к нашей беседе: «Энтузиасты каменного века». А как еще точнее назвать археологов, молодых и немолодых, если они годами, даже десятилетиями изучают древние находки и им никого не бывает скучно?

— Последние шесть лет, — продолжал рассказ Виталий Егорович, — мы работаем вместе с японскими археологами. Сейчас ведем подготовку по изданию трех томов, связанных с этой работой. Когда они выйдут в свет, в чем мы не сомневаемся, всего за три года у нас будет издано шестнадцать томов по материальным раскопкам. По мнению специалистов, мы установим рекорд. В этих томах, над которыми мы работали шесть лет вместе с академиком Деревянко, будет очень много нового рассказано. Например, о поселении Булочка. Так оно и называется. Чрезвычайно интересный памятник.

И вот когда мы были во время раскопки в одной из деревень, то один из местных сельских жителей спросил с подозрением: — Чем вы здесь занимаетесь? Хотите, что-то рассматриваете, кадите-то камни собираете... Я сказал: — Мы археологи.

И тут вдруг этот гражданин оживился: — Это, наверное, экспедиция Окладникова? — Нет, — пояснил мне. — Алексей Павлович давно умер. Двадцать лет назад.

— Да вы что?! — удивился этот человек. — Он недавно был у нас, мы его все помним.

Известность Окладникова не знала границ. Многие до сих пор считают, что он жив. Его известность усилена еще тем, что Алексей Павлович годами пропагандировал знания. Он читал лекции, выступал по радио, в прессе, в разных журналах, в школах, в сельских клубах и в Домах культуры. Да и просто охотно об-

щался с людьми, где бы их ни встречал. Уже век новый наступил, а Окладникова до сих пор считают живым. И потому, возможно, что он рожден был поисковиком, всегда упорно искал новое, изъездив и исходив всю Сибирь. До конца жизни к Алексею Павловичу обращались как... к археологическому справочному бюро. Он помнил каждый раскоп и все, что было в нем найдено. В работе его память не иссякала.

На пятьдесят тысяч лет назад

Как-то подчитали, что у нас на каждого археолога приходится десятки и сотни тысяч квадратных километров, а на японского археолога сто двадцать квадратных метров. И всем японским археологам работы хватает, они делают новые открытия. Легко предположить, что нашим археологам хватит работы еще на века, если не на тыся-

чаму, есть и молодой кандидат наук Андрей Кривошепкин. А помогать этому, по его мнению, преемственность.

— В нашем институте представлены специалисты всех поколений, — говорил Андрей, — и у всех можно учиться. Молодежь эту особенность улавливает мгновенно. Все знают, что в институте тебе обязательно помогут, растолкуют, объяснят. А молодежь институту пополняется ежегодно. И вопросов возникает много. Интерес к науке не пропадает. Больше того: он возрастает. Из тех, кто работоспособен, из института ушли буквально единицы, их можно пересчитать по пальцам одной руки. А для нас преемственность особенно важна. В археологию многие приходят еще со школьной скамьи. И если пришли и остались, то это выбор по любви, по призванию. Я в свою первую экспедицию поехал в четырнадцать лет. И так многие. Пришел в один из отрядов экспе-

диции. Тем не менее сибирские археологи открыли, в сущности, мировой науке новую Сибирь, ту, которая существовала задолго до прихода в нее русского населения. Среди тех, кто торит дорогу к но-

вину, есть и молодой кандидат наук Андрей Кривошепкин. А помогать этому, по его мнению, преемственность.

— В нашем институте представлены специалисты всех поколений, — говорил Андрей, — и у всех можно учиться. Молодежь эту особенность улавливает мгновенно. Все знают, что в институте тебе обязательно помогут, растолкуют, объяснят. А молодежь институту пополняется ежегодно. И вопросов возникает много. Интерес к науке не пропадает. Больше того: он возрастает. Из тех, кто работоспособен, из института ушли буквально единицы, их можно пересчитать по пальцам одной руки. А для нас преемственность особенно важна. В археологию многие приходят еще со школьной скамьи. И если пришли и остались, то это выбор по любви, по призванию. Я в свою первую экспедицию поехал в четырнадцать лет. И так многие. Пришел в один из отрядов экспе-

диции. Тем не менее сибирские археологи открыли, в сущности, мировой науке новую Сибирь, ту, которая существовала задолго до прихода в нее русского населения. Среди тех, кто торит дорогу к но-

вину, есть и молодой кандидат наук Андрей Кривошепкин. А помогать этому, по его мнению, преемственность.

Коллектив единомышленников

Это, с точки зрения доктора наук Анатолия Зенина, главная заслуга коллектива единомышленников, но не едино мыслящих. То

могу про основателя нашей школы академика Окладникова сказать одно, — заметила Ксения Окладникова мы изучали в университете. И пользуемся ими в работе до сих пор. И не возникает вопроса, если ты занимаешься каменным веком, куда ты должен поехать подучиться, а еще лучше — поехать, чтобы там работать. Только в институт археологии и этнографии. Поле археолога для выбора очень маленькое. Все у нас, кто хотел, поехали в Новосибирск. Я своей цели добилась, чему очень рада.

Ну а теперь время предоставить в нашем выпуске слово директору института академику Анатолию Пантелеевичу Деревянко в заключительной рубрике.

Кредо академика

— Главная заслуга Окладникова в создании гуманитарных институтов в Сибирском отделении, — сказал Анатолий Пантелеевич, — и нашей археологической школы, хотя у него было немало учеников и в европейской части страны, и во многих других регионах. Когда шестнадцатилетним был создан объединенный институт истории, филологии, философии и археологии, мы сразу же поставили перед собой задачу — сделать свой институт лучшим в мире.

— Не хило, как теперь говорят.

— Да уж... Можно такую задачу отнести к завывшему самоощенке. Но есть определенные критерии, которые могут подтвердить, что такая цель достигнута. Из чего складывается работа археологов? Прежде всего это полевые исследования. И полученные результаты — тот самый важный критерий, по которому оценивается и работа института, и отдельного сотрудника. Те комплексы, которые нами уже открыты, и те, на которых наши археологи работают сейчас, — это

есть тот коллектив, в котором тебя поймут и поддержат, невзирая на статус, положение, звания, заслуги и возрастные особенности. Зенин больше всего именно это ценит в институте. А еще возможность постоянно учиться друг у друга, занимаясь хоть палеолитом, хоть Средневековьем, что нередко удивляет и восхищает приезжающих к нам иностранцев. За рубежом больше любят работать «в одиночку», сами по себе. У нас же любым новым знанием обязательно делаются. В этот стиль и привычку молодые специалисты «вливаются» словно автоматически.

Кроме того, раньше археология была, скажем так, индивидуальным трудом. Сейчас сама наука превращается в коллективный труд. Это зависит от нового уровня качества исследований. Ныне в одиночку полностью выполнить поставленные задачи практически невозможно. Или потребуются очень много времени для обработки накопленного материала. А коллективу единомышленников, где есть сотрудники разных специальностей, все можно решать гораздо легче и быстрее.

— Теперь, — сказал Зенин, — я займусь констатацией факта. Знаю точно, что по мнению всех ученых, и ближнего зарубежья, и дальнего, центр археологической мировой науки сейчас сместился в Новосибирск. Считаю, что этим можно гордиться. В институте очень заботятся, чтобы из его стен не выходили слабые, неполноценные работники. Класс стал выше. Не случайно же теперь и москвичи, и питерцы, корифеи палеолита, рады с нами встречаться, что было далеко-о-о не всегда.

Еще одного молодого кандидата наук, Ксению Анатольевну Колобову, должен признаться, я слушал ввидууха. Она из тех женщин, на которых гораздо интереснее смотреть. (Фотография Колотовой — свидетельство тому.) Но услышал все же, что она тоже занимается каменным веком, окончила университет в Улан-Уде и очень упорно пробивалась в наш институт археологии и этнографии. Диссертацию защитила успешно. А работает с удовольствием.

Могу про основателя нашей школы академика Окладникова сказать одно, — заметила Ксения Окладникова мы изучали в университете. И пользуемся ими в работе до сих пор. И не возникает вопроса, если ты занимаешься каменным веком, куда ты должен поехать подучиться, а еще лучше — поехать, чтобы там работать. Только в институт археологии и этнографии. Поле археолога для выбора очень маленькое. Все у нас, кто хотел, поехали в Новосибирск. Я своей цели добилась, чему очень рада.

Ну а теперь время предоставить в нашем выпуске слово директору института академику Анатолию Пантелеевичу Деревянко в заключительной рубрике.

Кредо академика

— Главная заслуга Окладникова в создании гуманитарных институтов в Сибирском отделении, — сказал Анатолий Пантелеевич, — и нашей археологической школы, хотя у него было немало учеников и в европейской части страны, и во многих других регионах. Когда шестнадцатилетним был создан объединенный институт истории, филологии, философии и археологии, мы сразу же поставили перед собой задачу — сделать свой институт лучшим в мире.

— Не хило, как теперь говорят.

— Да уж... Можно такую задачу отнести к завывшему самоощенке. Но есть определенные критерии, которые могут подтвердить, что такая цель достигнута. Из чего складывается работа археологов? Прежде всего это полевые исследования. И полученные результаты — тот самый важный критерий, по которому оценивается и работа института, и отдельного сотрудника. Те комплексы, которые нами уже открыты, и те, на которых наши археологи работают сейчас, — это

(Окончание на 10-й стр.)

Плато Укок (Горный Алтай). В колоде, заполненной льдом, сохранилось мумифицированное тело женщины.

Ворсовый ковер (пазырыкская культура); женский костюм времен пазырыкской культуры (IV—III вв. до н.э.). Все использованные для реконструкции вещи были обнаружены на теле мумии в кургане могильника Ак-Алаха-3. Женщина изображена в шубе из меха сурка, с отделкой из меха черного жеребенка.

четлетия. Тем не менее сибирские археологи открыли, в сущности, мировой науке новую Сибирь, ту, которая существовала задолго до прихода в нее русского населения. Среди тех, кто торит дорогу к но-

вину, есть и молодой кандидат наук Андрей Кривошепкин. А помогать этому, по его мнению, преемственность.